

Редакция «Экрана и сцены» решила внести небольшое разнообразие в античную законченность квартета официальных наград фестивалей и учредила свой приз. Приз на актерском фестивале, естественно, должен был стать наградой достойному представителю этой профессии. Мы решили присудить его актеру, который одинаково верен и Мельпомене, и десятой музе — музе кино. Единодушно был выбран Даниэль Ольбрыхский.

Мы предполагали, что время польской кинозвезды, приехавшей в Москву буквально на несколько дней, будет расплываться по минутам. Поэтому с момента прилета наши корреспонденты следили за перемещением Даниэля по Москве, чтобы выбрать момент и вручить ему наш приз. Наконец, их усилия увенчались успехом. Даниэль приехал к нам в редакцию, встреча и награждение вылились в непринужденную беседу и импровизированное интервью. Вопросы задавали все, все пили выставленный по такому случаю коньяк. Отвечал с неподражаемой «фирменной» улыбкой только что награжденный Даниэль Ольбрыхский. То, что он рассказал о себе, вы прочтете на этих страницах. Получив приз, Даниэль не остался в долгу — подарил редакции недавно вышедшую в Польше свою книгу о Владимире Высоцком и дал согласие на публикацию в «ЭС» отрывков из нее. Их мы предлагаем вниманию наших читателей в одном из следующих номеров. Торжество омрачила небольшая накладка: в свете подготовки к встрече было принято решение, что диплом к призу будет иметь устную форму. А Даниэль сказал, что диплом ему очень нужен — надо показать семье: «Пусть знают, что не купил, не украл, а получил за заслуги». Даже сейчас в машину, он просил не забыть прислать ему диплом. Посылаем.

Даниэль ОЛЬБРЫХСКИЙ:

Я все звери сразу...

— В последнее время вы стали частым гостем Москвы. В прошлом году приезжали на «Интерфест-90», приехали сейчас на XVII Московский кинофестиваль. Участие польских кинематографистов в наших кинофорумах давно уже стало доброй традицией, но что так привлекает в нашей стране именно вас?

— Ответ очень простой. Моей первой поездкой за рубеж было посещение Москвы. В 1965 году я приехал сюда с фильмом Анджея Вайды «Пепел». Именно здесь он хотел показать свою картину еще до премьеры в Польше, он понимал, что, кроме 35 миллионов поляков, есть еще 200 миллионов русских, которые очень любят польскую культуру, и знал, что это тоже его зрители.

Тогда вслед за ним и я понял, что фильмы с моим участием смотрят не только в Варшаве, Познани и Кракове, но и в Москве, что после поляков мой самый важный зритель — это русский зритель. Я был очень горд, что получал тогда из Советского Союза по 100—200 писем в неделю. К сожалению, все это закончилось в 80-м году, когда я подписал обращение Солидарности. Вдруг поток писем прекратился, но это не значило, что люди перестали писать, просто, по-моему, советская почта их не пересылала.

В течение последующих восьми лет меня не приглашали в Москву, хотя я, конечно, очень хотел приехать. Противодействие было и со стороны польских чиновников. Даже четыре года назад, когда я сказал нашему министру культуры о своем желании поехать на XV Московский фестиваль в составе польской делегации, мне ответили, что «русские друзья» против, что «Ольбрыхский — это пока неудобно». Парадокс и юмор ситуации были в том, что у меня в кармане уже лежало персональное приглашение от Климова и Союза кинематографистов.

Я сказал министру: «До встречи в Москве!». Но я еще не знал, как спустя восемь лет меня примет русская публика, я только надеялся, что меня помнят. Овация, которую мне тогда устроили зрители, была совершенно неожиданной и произвела очень сильное впечатление. Климов сказал тогда: «Даниэль, ты видишь, что любовь запретить нельзя». Я приезжаю, чтобы чувствовать эту любовь. Актер, как женщина, и его надо все время ласкать, а ваши руки ласкают меня наиболее горячо.

— Наверное, любовь нашего зри-

теля к польскому кино закономерна. Когда «железный занавес» между Востоком и Западом был наиболее плотным, польское кино, пожалуй, являлось для нас как бы полномочным представителем западного кинематографа. С его помощью советские зрители могли познакомиться с ними, обращенным на Запад, менталитетом. А как вы ощущали себя в этой ситуации?

— У меня по этому поводу есть любимая шутка. Я говорю, что популярен в Советском Союзе благодаря коммунистической цензуре. Ведь из-за нее советские зрители в течение тридцати лет не видели фильмы с Марлоном Брандо, Полом Ньюменом, Робертом Де Ниро. Я был здесь единственным известным публике западным актером, хотя и не вхожу в десятку лучших в мире. Правда, я все же ближе вам по духу.

— По-моему, вы несправедливы к себе. В прошлом году вас наградили командорским крестом ордена Почетного легиона вместе с Джеком Николсоном и Робертом Де Ниро. Это наверняка означает признание вашей мировой славы. Ведь они уж точно в «первой десятке».

— Это ничего не значит. «Первая десятка» не в наградных списках, она в сердцах зрителей, в симпатии публики. Однажды я наблюдал, как продюсер фильма «Выбор Софии» искал исполнительницу главной роли. В результате ее сыграла Мерилл Стрип, но сначала он пробовал славянских актрис. Я порекомендовал ему Кристину Янду, и мы пошли в театр, где она играла. Он никогда раньше ее не видел, но все равно смотрел не на сцену, а в зал. Только увидев реакцию публики, он сказал: «Да, я вижу — это хорошая актриса», а уже потом посмотрел на нее. Если так принимает тебя публика всего мира — ты в «первой десятке».

— А кого из советских актеров вы могли бы вот так же порекомендовать западным продюсерам? С кем из них, может быть, хотелось бы поработать?

— По-моему, Иннокентий Смоктуновский — один из лучших актеров мира. А сыграть мне хочется вместе с Никитой Михалковым. Жаль, что мы до сих пор ничего не сделали вместе, но сделаем. Раз он не приглашает меня в свои фильмы, я сам приглашу его когда-нибудь как режиссер.

— Вам хочется самому снять фильм? О чем он будет?

— Я не говорю, что это будет обя-

зательно. Если бы я знал, о чем хочу снять картину, ее сюжет, то давно бы уже сделал это. Но если все же случится, мне хотелось бы снять картину о взаимопонимании между людьми. Это был бы хороший актерский фильм, в котором бы я сам, может быть, сыграл небольшую роль.

— Какие советские фильмы последнего времени вам нравятся?

— Я три раза смотрел «Вокзал для двоих» Эльдара Рязанова. Для меня это одна из десяти лучших картин, которые я видел в своей жизни.

— Сейчас на смену государственной системе кинематографа в странах Восточной Европы приходит новая, основанная на новых экономических формах. Появляются кооперативные и частные студии. Это ведет к увеличению коммерческого кино в ущерб действительно художественному. Вас это не пугает?

— Я думаю, что это временное явление. Конечно, приходят люди с деньгами, которые прежде всего хотят пустить их в оборот и получить прибыль. Но это просто этап разви-

тия. Мы опоздали с ним по сравнению с Америкой, но у нас гораздо выше потенциал, ведь мы могли делать подлинные шедевры в условиях тоталитаризма. Сейчас надо просто привыкнуть к нормальной рыночной системе кино. На примере США видно, что выигрывает та кинематография, которой удается объединить экономику и искусство.

Чтобы противостоять напору этого

сильного коммерческого кино, европейские страны должны объединить свои усилия. Надо привлекать к участию в копродукции больше участников, чтобы сделать ее конкурентоспособной. Нам с вами, Польше и Советскому Союзу, тоже надо развивать свои отношения, продолжать дружить. Но делать это надо по-новому, не под давлением идеологических догм, а делая общие дела, защищая общие интересы.

Приведу пример. Сейчас русские приезжают в Польшу торговать, точно так же, как мы еще недавно ездили в ФРГ. По-моему, это очень хорошо. Дружить никогда нельзя заставить насильно. В школе меня не смогли заставить выучить русский язык, я сделал это потом по песням Окуджавы. Сейчас я говорю о совсем простых людях, поляках и русских, которые раньше не знали друг друга и друг друга недолюбливали. Внезапно у них образовался общий интерес: один хочет купить, другой — продать. Это выгодно для обоих. Я видел однажды такую пару, когда они уже совершили сделку и отмечали это за бутылкой водки. Русский пытался говорить по-польски, а поляк — по-русски, они обменивались адресами, приглашали друг друга в гости. Это невероятный шаг навстречу. Торговля помогает дружбе между людьми, а это куда важнее «дружбы народов».

— Вы известны и как театральный актер. Как обстоят ваши дела на этом поприще?

— Плохо. Театр в Польше тоже выходит на свободный рынок и переживает трудности этого переходного периода. Парадоксально, но в социалистической системе театру было легче, хотя и была идеологическая цензура. Теперь мы узнали, что есть и ужасная цензура денег.

— Может быть, она даже сильнее политической?

— Вряд ли, ведь есть возможность выбора: не найдешь одного продюсера, найдешь другого и хороший спектакль или фильм, такой, как «Танец с волками», все равно сделаешь. Если, конечно, хочешь. А при социалистической цензуре не было выбора. Тогда один человек решал, будут деньги на постановку или нет. Но день-

ги давали, но театр был, мы играли и Шекспира, и Чехова, и Брехта, и люди ходили. Билеты были дешевы, были государственные дотации. А сейчас тяжело. Но все равно я буду играть, несмотря на его трудные времена. Я сыграю в Варшавском театре Эдмунда Кина, великого шекспировского актера. Эта роль очень удачно совпадает и с моей театральной творческой биографией — ведь я тоже много играл в шекспировских пьесах.

— Вы снимаетесь сейчас у польских режиссеров?

— Нет, сейчас я приступаю к съемкам в Польше, но это будут немецкий и французский фильмы. Конечно, я с удовольствием снимусь и в польской картине, если будет хороший сценарий. У меня сейчас есть выбор. Сценарии и предложения приходят со всей Европы. Даже из Америки. Преимущество известного актера — возможность жить в мире хорошей литературы. Я могу исполнять все лучшее, что написано в мире. Это прекрасно.

— Сейчас много говорят о неподготовленности жителей бывших социалистических стран к жизни в условиях жесткой капиталистической конкуренции. Об их неспособности воспринять свободу, которая проходит рука об руку с ответственностью за собственную судьбу. Вам пришлось много работать и жить на Западе, что вы думаете об этом?

— Я принимаю этот тезис. Те из поляков, кто был на Западе, уже поняли, что это не рай. За все надо платить и надо очень много работать. Но многие этого еще не понимают. В наших странах произошла очень сильная дискредитация труда, люди привыкли к социальным гарантиям, они привыкли говорить «дай». Даже восточные немцы оказались неспособны быстро адаптироваться в объединенной Германии. Они хотят все иметь, но не хотят ничего заработать. Раньше они горюли свое «дай» Хоннекеру, теперь — Колю. Милош Форман сказал однажды, что есть только два стиля жизни: один — в зоопарке, другой — в джунглях. В зоопарке клетка, мало места, душно, но зато кормят каждый день. В джунглях свобода, но надо добывать пищу и тебя самого могут съесть. К сожалению, мне кажется, что еще очень многие в Восточной Европе предпочтут клетку.

— А вы?

— Я уже выбрал джунгли.

— А кто вы в них: лев, слон, тигр, на какое животное вы похожи в наших каменных джунглях?

— Я все звери мира сразу. Иногда, к сожалению, приходится быть даже змеей.

— И все-таки кем бы вам хотелось быть?

— Самим собой, но это очень трудно.

Беседу вел
Ильдэр ЖАНДАРЕВ.